

Пустошинская Ольга Сергеевна

САМООЦЕНКА СТУДЕНТАМИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ВКЛЮЧЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/5/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (48). С. 23-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 32

Ольга Сергеевна Пустошинская
Тюменский государственный университет

САМООЦЕНКА СТУДЕНТАМИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ВКЛЮЧЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС[©]

Измерить уровень включенности индивидов в сеть протестных взаимодействий можно посредством множества операциональных составляющих. Задача данного текста в рамках осмысления вопроса о протестном потенциале студенчества УрФО на основе проведенного комплексного эмпирического исследования обозначить оценку респондентами собственной политической активности и ресурса влияния на механизм принятия государственных решений, а также выявить их интерес к молодежному мобилизационному процессу. Методом сбора информации стал анкетный опрос, проведенный в три этапа: в феврале-марте 2009 г. - в Тюмени, в октябре-ноябре 2009 г. - в Салехарде, в мае-июне 2010 г. - в Екатеринбурге.

Объем выборки составил 2593 человека. Репрезентативность данных обеспечена доверительным интервалом 97% и статистической погрешностью $\pm 3\%$. Для обработки информации использовался пакет программ SPSS 14.0.

Применялась следующая техника статистического обеспечения: кросстабуляция, многомерное шкалирование (достоверность сформированных дистантных моделей подтверждена величинами стресса и RSQ).

Оценка собственной политической активности и ресурса влияния на механизмы принятия государственных решений

Самооценка политической действенности, уверенность или неуверенность студенческой молодежи в своей способности влиять на выработку политики через официальные каналы или гражданские акции - важнейшие из продуктов мышления, задающих вектор на неконформность или стандартизацию поведения.

Решение задачи по развертыванию ментальных конструкций, заключенных в оценках степени и качества молодежной политической активности, данных респондентами согласно алгоритму указанного в вопроснике требования пятирангового соответствия, обеспечила апелляция к методу многомерного шкалирования. Результатом стали воспроизведенные на уровне, доступном визуальной перцепции, математически имитированные в виде систем координат пространства, в которых расположились точки, аппроксимирующие субъективные студенческие суждения.

Достоверность сформированных дистантных моделей подтверждена величинами стресса и RSQ. В салехардском случае они получились равными 0,00313 и 0,99989 соответственно, в тюменском - равными 0,00494 и 0,99982, в екатеринбургском - равными 0,00398 и 0,99986.

Салехардский случай

На отрицательном полюсе первой шкалы в области квадранты II (- +) фиксируется точка «российская молодежь - самый активный субъект отечественного политического процесса» (-1,99; 0,12). По мере возрастания значений шкалы в районе положительного полюса на плоскости квадранты I (+ +) выделяется точка «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» (0,28; 1,13) и далее в границах квадранты IV (+ -) определяются две точки «российская молодежь участвует в политике в пределах стоящими за ней политическими силами» (0,29; -1,38) и «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (1,61; -0,08).

Очевидно, что данная шкала отражает коллективное представление студентов о последовательности распространения в молодежной среде приверженности к конкретной поведенческой линии в рамках политического участия / неучастия. Низкие значения указывают на суженность круга лиц, придерживающихся активной гражданской позиции. Высокие показатели удовлетворяют условию масштабности распространения поведенческой практики, связанной с отчуждением от политики. Салехардские студенты, кроме того, не заблуждаются на счет политической самодостаточности молодежи, и выражают сомнение относительно высокого уровня ее политической активности в Интернет-пространстве.

Вторая шкала имитирует возрастающую в глазах респондентов стоимость поведенческой стратегии. На ее отрицательном полюсе в пределах квадранты IV определяется точка «российская молодежь участвует в политике в пределах стоящими за ней политическими силами», имеющая минимально возможное значение (-1,38), затем следует точка «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия». На положительном полюсе шкалы регистрируется точка «российская молодежь - самый активный субъект политического процесса» (квадранта II). Максимум достигается в точке «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» (квадранта I).

Таким образом, целевой аудиторией Салехарда ставится высокая оценка политической деятельности в Сети как наиболее эффективной, менее затратной и рискованной. Положительная рефлексия регистрируется

и в отношении сознательной и интенсивной включенности представителей данной демографической группы в политический процесс. Налицо явное расхождение между высокой ценностной составляющей и ее практическим воплощением, что проявляется в поведенческой инерции большинства опрошенных и их самоустранении из политической сферы.

Тюменский случай

На отрицательном полюсе первой шкалы в области квадранты II (– +) выделяется геометрический объект «российская молодежь - самый активный субъект отечественного политического процесса» (-2,19; 0,11). На положительном полюсе в порядке увеличения х-значений группируются объекты «российская молодежь участвует в политике в пределах стоящими за ней политическими силами» (0,34; -1,23), «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» (0,58; 0,04) и «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (1,59; 0,49). Первый из них принадлежит квадранту IV (+ –), два других - квадранту I (+ +).

На отрицательном полюсе второй шкалы в пределах квадранты IV закрепился объект «российская молодежь участвует в политике в пределах стоящими за ней политическими силами», на положительном полюсе поочередно выстроились объекты «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» (квадранта I), «российская молодежь - самый активный субъект политического процесса» (квадранта II), «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (квадранта I).

Графическая иллюстрация убедительно показывает, что основная масса опрошенных невысоко оценивает уровень экзогенной активности молодежи, получающей внешнее конвенциональное или неинституционализированное выражение в форме действий на публичной политической сцене. В представлениях тюменских респондентов, прагматический интерес имеет перспективу на вытеснение ценностно-деятельностной компоненты из молодежного сознания. Тем не менее, высокая положительная оценка, данная утверждению «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» служит аргументом в пользу значительной выраженности молодежных установок на политическую Рунет-мобильность. Напротив, связанное с дозированной свободой управляемое политическое поведение получает негативное оценивание. Можно предположить, что большинство тюменских студентов не намерено удовлетворяться ролью реципиентов властного манипулирования и родительского патроната, предпочитая быть акторами, конструирующими собственную программу жизнеустройства и стратегию ее осуществления.

Екатеринбургский случай

Структура взаимного расположения исследуемого множества представлений студентов Екатеринбурга по поводу политической активности российской молодежи имеет свои особенности.

Несмотря на то, что в целом изолированное положение объекта «российская молодежь - самый активный субъект политического процесса» (-1,98; 0,15) на геометрическом поле квадранты II (– +) повторяет два прежних решения, порядок позиций иных точек заметно различается. Для Екатеринбурга характерна локализация на положительном полюсе первой шкалы объектов «российская молодежь участвует в политике в пределах, определенных стоящими за ней политическими силами» (0,79; 0,36; квадранта I (+ +)) и «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (1,68; -0,05; квадранта IV (+ –)), а также смещение к разграничительной оси ординат точки «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве» (-0,02; 0,82).

Отрицательный полюс второй шкалы оказался представленным переменной «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (квадранта IV). В оформлении положительного полюса приняли участие переменные «российская молодежь - самый активный субъект отечественного политического процесса» (квадранта II), «российская молодежь участвует в политике в пределах, определенных стоящими за ней политическими силами» (квадранта I) и «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в Интернет-пространстве».

Визуализирование последней дистантной модели позволяет говорить о том, что студенты Екатеринбурга в отличие от студентов Салехарда и Тюмени более склонны определять гражданскую позицию российской молодежи в терминах инсайдерства, чем выключенности из объективной сети политических отношений, пассионарности, чем пассивности. Выделяется группа, в ответах участников которой прослеживается притязание на гражданскую самодостаточность и автономность. В то же время часть тех, кто отдает приоритет модели потребления, и кто исходит из презумпции молодежного политического активизма как в режиме реального времени, так и в сети Интернет, оценивает собственный политический потенциал вне связей с агентами взрослого мира либо внешней поддержки как недостаточный для достижения политических целей.

Неудивительно, что опрос выявил факт осознания целевой аудиторией важности функционирования протестной ассоциативной сети как средства мобилизации с целью лоббирования молодежных интересов. 44,9% опрошенных в Салехарде и 42,1% в Тюмени согласны с мнением, что только в этом случае молодежь может выступать мощной социальной группой давления, с мнением которой истеблишмент вынужден считаться.

В том, что сила молодежного коллективизма определяется не столько представленностью в структурах власти и активностью членов оппозиционных молодежных организаций, сколько дестабилизирующим значением масштабных манифестаций, уверены 18,5% опрошенных в Салехарде и 25,9% в Тюмени. Таким образом, в совокупности 63,4% студентов Салехарда и 68% студентов Тюмени считают самым сильным фак-

тором, лежащим в основе результативности молодежного политического потенциала принадлежность к определенной солидарной единице и выражению, как имеющему организованный, так и стихийный характер.

Весовой коэффициент тех, кто рассматривает себя и сверстников в качестве силы, без условностей способной влиять на процесс выработки и осуществления публичной политики и механизмы администрирования, составляет в Салехарде 15,2% при 21,4% скептиков, исключающих возможность такого воздействия. В Тюмени эти цифры составляют 12,8% и 19%.

Екатеринбургский случай свидетельствует об изменении в соотношении доли лиц, отдающих приоритет организационной составляющей (26,7%), и процента субъектов, признающих в качестве определяющего молодежное политическое влияние параметр массовости молодежных акций (26,2%). Результат суммирования полученных эмпирических значений равен 52,9%, итог частного стремится к единице.

Аналогичная тенденция регистрируется и в отношении показателей, соответствующих мнению, согласно которому, молодежь в любом случае является силой, способной воздействовать на государственные механизмы (23,1%), и противоположному суждению, в рамках которого исключается сама допустимость рассмотрения такой возможности (22,7%).

Итак, если говорить об осознании ключевой аудиторией собственной значимости и роли в общественно-политическом процессе, то большинство признает себя реальной силой, способной влиять на принятие государственных решений при условии поддержки со стороны внешних сил, организации в молодежные движения и массовости акций. Определенная часть опрошенных уверена в политической самодостаточности и претендует на суверенитет.

УДК 3.32.323

Марина Сергеевна Шустова
Южный федеральный университет

E-GOVERNMENT И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА®

Коррупция в современном обществе является едва ли не основным источником неэффективности государства.

Сегодня все чаще озвучивается точка зрения, что внедрение более передовых ИКТ и электронного правительства снижает возможности для коррупции. Реальность гораздо сложнее. По многим причинам, внедрение ИКТ напрямую никогда не способствовало борьбе с коррупцией, эти технологии в определенных условиях могут не оказывать никакого эффекта на политическую систему, или даже предоставлять новые, более масштабные возможности для коррупции.

Во-первых, внедрение ИКТ в систему государственного управления часто лежит в основе управленческих реформ в области оценки производительности и эффективности работы государственного органа. Кроме того, основополагающей целью ИКТ и электронного правительства в частности является обеспечение принципов прозрачности и открытости в работах государственных органов всех уровней власти. Безусловно, важным положительным аспектом служит возможность сокращения расходов госбюджета при внедрении этих технологий. Однако компьютеризация может привести к «переквалификации» коррупции, продвижению новых источников дохода для коррумпированных чиновников - специалистов в области ИКТ.

Во-вторых, по мере внедрения «всемогущих» и «всезнающих» информационных систем, многие чиновники потеряют уверенность в себе и перестанут брать взятки. Хикс отмечает, что «чиновники могут противостоять новым ИКТ-системам из-за страха потерять свои коррупционные доходы» [4]. В то время как ИКТ устраняет некоторые коррупционные возможности для чиновников, не в полной мере владеющих новыми технологиями, рождаются широкие перспективы манипуляций для осведомленных должностных лиц.

В то же время, для достижения положительного эффекта в плане снижения коррупции необходимо четкое осознание антикоррупционного потенциала ИКТ и электронного правительства, выявление соответствующих механизмов и расстановка приоритетов. Внедрение ИКТ в государственном управлении позволяет минимизировать условия возникновения коррупции.

Суть электронного правительства заключается в переводе государственных услуг в электронный режим, следовательно, личный контакт между гражданином и чиновником будет минимальным.

По мере внедрения электронного правительства:

- произойдет сокращение количества контактов между гражданином и представителями государства (принцип «одного окна» предполагает оказание всех необходимых государственных услуг в одном месте);
- общение должностного лица и гражданина будет осуществляться через Интернет.